

в древнерусском переводе, восходящем к XI в., рассказывает о погребении Ирода, царя Иудеи. При этом в описании его погребального ложа на месте греческого *άλουργίς* — «драгоценный шелк», «атлас» в древнерусском тексте стоит выражение «акы си кастер разноличьн». Так читаем в Виленском и Архивском списках так называемой хронографической редакции.⁵ В. М. Истрин, основываясь на чтении Волоколамского и других списков так называемой «отдельной» редакции, объяснял это сочетание как «акси-кастеръ», т. е. как передачу существовавшего, по его мнению, в разговорном греческом языке в византийскую эпоху слова *ὄξυκάστηρ*, представлявшего собой сложное слово, вторая часть которого обозначает «бровый мех», а первая могла бы иметь значение «острый», «драгоценный».⁶ Даже если не соглашаться с чтением В. М. Истрина и принимать чтение Виленского и Архивского списков — «кастеръ» (*κάστηρ*), то и в этом случае за ним остается та же семантика, что и у греческого слова *κάστηρ* в соответствии с латинским «castor» и древнерусским «бобръ». Таким образом, мы снова находим то же смысловое совпадение: «бобръ» — «шелк». Этот же смысл слова «бобр» может быть подтвержден, наряду с текстом книги «Есфирь» (I, 6), и другим древнерусским переводным памятником литературы — «Повестью об Акире». Это произведение было переведено на Руси не позднее XI в. и, по-видимому, с сирийского оригинала.⁷

В. Н. Перетц в своем комментарии к «Слову о полку Игореве» еще в 1926 г. обратил внимание на то, что ни в письменных памятниках, ни в устной поэтической традиции прилагательное «беврянъ» именно в данном морфологическом оформлении не употребляется: всегда и повсюду находим только «бровый». Этот же исследователь привел в качестве параллели к «Слову» одно место из «Повести об Акире», однако при этом никак не комментировал смыслового значения существительного «бѣбр» в контексте «обѣвша ѝ бѣбромь».⁸

В действительности текст «Повести об Акире» содержит два раза слово «бѣбр» в значении «шелк», «виссон», «тонкое полотно». В первом случае в древнерусском тексте «Повести» мы находим «и одѣх ѝ бобром и брачином». Параллельные тексты «Повести» на других языках следующие: «и одевал его в тонкое полотно и пурпур» (сирийский текст); «одевал его в шелк и пурпур» (арабский); «я одел его в виссон и пурпур» (армянский).⁹

Во втором случае древнерусскому «одѣвша ѝ в бебер и брачину» мы находим соответствие в арабском тексте: «одевшихся в шелк и в пурпур».¹⁰

Таким образом, для нас не остается сомнения в том, что в древнерусском языке существительным «бѣбр» могло обозначаться не только известное пушное животное, но и какая-то драгоценная, виссонная или тонкая полотняная ткань.

⁵ Рукопись Виленского хронографа. Библ. АН Литовской ССР, № 109—147, л. 562 об.; то же в рукописи Архивского хронографа б. Архива Министерства иностранных дел (ЦГАДА), № 279—658, л. 380 об.

⁶ Архив АН СССР, ф. 332, оп. 1, № 12. Черновая запись к неопубликованному исследованию В. М. Истрина о древнерусском переводе «Истории Иосифа Флавия». Исследование предполагалось опубликовать в Париже в издании Institut des études slaves в качестве третьего тома его книги «La prise de Jérusalem» (t. I, Paris, 1934; t. II, Paris, 1938).

⁷ А. Д. Григорьев, Повесть об Акире. М., 1913; Н. Н. Дурново, Материалы и исследование по старинной литературе, ч. 1. М., 1915. (В дальнейшем соответственно: Григорьев; Дурново).

⁸ В. Н. Перетц, Слово о полку Игореве. У Київ, 1926, стр. 307.

⁹ Григорьев, стр. 23; Дурново, стр. 20.

¹⁰ Григорьев, стр. 137. В вышеупомянутой работе В. Н. Перетца место приведено не вполне точно.